

ФРЕЙМЫ И КОНЦЕПТЫ МОРАЛЬНОГО ОБОСНОВАНИЯ КОНСЕРВАТИЗМА¹

М.С. Константинов,

И.В. Николаев

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье с позиций интегративно-когнитивистского подхода анализируются базовые концепты и ассоциированные с ними моральные фреймы политической философии консерватизма. Выделяются три основных концепт-фреймовых модели, характерных для консервативной мысли. Как полагают авторы, различия между этими моделями определяются как на уровне ключевых концептов, так и на уровне ассоциированных с ними фреймов. Все три модели объединяет свойственный большинству консерваторов метафрейм ответственности.*

Ключевые слова: *мораль, политика, идеология, консерватизм, фрейм, концепт.*

Большинство исследователей идеологий согласны в том, что консерватизм есть крайне неоднородное течение политической мысли. Консерваторы обычно весьма скептически относятся к политической теории, поэтому не считают своей задачей разработку последовательной и завершённой теоретико-философской системы. Консерватизм принципиально ситуативен, позиционен и антиуниверсален [Huntington 1957]. Нередко он рассматривается как одна из форм политического прагматизма — как доктрина, не имеющая принципиального содержания [Vincent 2010: 57]. В этом заключается парадокс консервативной рефлексии, «противоречиво определяющей консерватизм как политическую теорию, полагающую ложными любые политические теории» [Quinton 1978: 12]. Некоторые исследователи пытаются избежать подобного *reductio ad absurdum*, заявляя, что консерватизм — не теория, но предрасположенность ума, склонность к сохранению настроения, или эмоций, или отношений [там же].

Так, К. Манхейм рассматривал консерватизм как определённый стиль мышления. Ядро его метода составлял анализ значений тех понятий, которые использовались консервативными мыслителями с целью выявить внутреннее единство стиля мышления, а также отклонения и модификации его концептуального аппарата [Манхейм 1994: 574-575]. На этом основании К. Манхейм различал «естественный консерватизм», или «традиционализм», и «современный консерватизм», или «политический консерватизм», т. е. консерватизм в собственном смысле этого слова. Первый есть универсальное психологическое свойство, в той или иной

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа», проект № 12-03-00401а.

мере присущее каждому человеку. Политический консерватизм, напротив, ситуативен и всегда зависит от конкретных обстоятельств: «Невозможно заранее определить, кто поведёт себя консервативно в политическом смысле, в то время как позиция, описываемая понятием „традиционалист“, позволяет нам вычислить более или менее точно поведение традиционалиста» [там же: 594]. Это обусловлено тем, что консерватизм представляет собой объективную мыслительную структуру, характеризующуюся основополагающим мотивом [там же]. Этот мотив включает в себя стремление к конкретности, качественную идею свободы, основанную на представлении о неравенстве людей, рассмотрение существующих институтов и явлений с точки зрения их истории, отрицание идеи прогресса, предпочтение органических социальных целостностей составным общностям и т. д. [там же: 601, 604, 608].

Подобной трактовки придерживался и Майкл Оукшот, рассматривая консерватизм не как кредо или доктрину, а как склад ума, предрасположенность определённому типу поведения и определённому жизненному укладу [Оукшот 2002: 65]. По этой причине многие консерваторы отказываются считать консерватизм идеологией. Так, в предисловии в седьмом издании своей знаменитой книги «Консервативное мышление» Рассел Кирк писал: «Консерватор питает отвращение ко всем формам идеологии. ...Априорные замыслы по усовершенствованию человеческой природы и общества есть проклятие для консерватора, который знает, что они становятся инструментом и оружием [в руках] фанатствующих завсегдатаев кафе [coffehouse fanatics]» [Kirk 2001: VIII].

Всё сказанное выше осложняет разработку единой аналитической модели «концепт-фрейм» применительно к консерватизму. Неоднородность консервативной мысли и её принципиальная антитеоретичность не позволяют выявить ограниченное число базовых концептов и ассоциированных с ними моральных фреймов, которые были бы характерны для консерватизма в целом. Если в либерализме одним из ключевых концептов является «свобода», в феминизме — «равенство» и «различие», в национализме — «нация» и т. д., то в консервативной политической идеологии подобный единый концепт отсутствует. Так, одним из концептов «консервативной революции» в Германии 20–30-х гг. XX в. было романтизированное представление о «(прусском) народе» как некоей органической целостности, в контексте которой индивид обретает свою свободу и судьбу. В то же время, одно из немногих, что объединяет представителей этого направления в консерватизме, — это неприятие «старого» консерватизма с его принципами иерархичности, традиционализма, идеей извечно установленного божественного порядка. А. Мёллер ван ден Брук, Э. Юнгер, К. Шмитт и др. теоретики «консервативной революции», испытав на себе сильное влияние Ф. Ницше, отказались и от идеи трансцендентного морального порядка. В ценностном плане у названных мыслителей гораздо меньше общего с классическими консерваторами (Э. Бёрком, Ж. де Местром, Л. де Бональдом и др.) или с неоконсерваторами второй половины XX в. (Р. Уивером, Р. Нисбетом, У. Липпманом, Р. Кирком и др.), — чем с современными им марксистами и социалистами. Не по этой ли причине в книге Рассела Кирка отсутствует анализ «консервативной революции», что она совершенно не укладывается в его схему?

С другой стороны, упустить из рассмотрения феномен «консервативной революции» означает нарушить первоначальные условия исследовательской модели — изучать способность политических идеологий мотивировать участников политики к морально ориентированному политическому *действию*. Напротив, именно «консервативная революция» является собой один из ярчайших примеров призыва к действию, в основе которого лежит моральное негодование. Используя терминологию К. Манхейма, можно сказать, что в консерватизме нас интересовали, прежде всего, представители «политического консерватизма», т. е. консервативной политической философии (морально ориентированного) *действия*, а не традиционалистски мотивированного *бездействия*. Традиционализм вполне способен на разовые акты агрессии с целью защиты status quo, но вряд ли он способен на политически отрефлексированное действие. В такой трактовке «политический консерватизм» может частью своего ин-

теллектуально-ценностного багажа иметь «традиционализм», но он отнюдь не исчерпывается последним.

Решением описанных затруднений стало введение ещё одного уровня — уровня абстрактных принципов, которые находят своё воплощение в различных (часто несовместимых) концептах консерватизма и весьма противоречивых с точки зрения консерватизма как целого моральных фреймах. Эти концепты и фреймы достаточно хорошо согласованы в контексте *одного* направления консерватизма, но совершенно не сочетаются с концептами и фреймами других направлений. Эта разнородность отнюдь не отрицает единства консервативной мысли на уровне принципов. В соответствии с данной адаптированной моделью, объектом анализа выступили *комплексы* концептов и фреймов, определяющие различие типов консерватизма, но при этом объединённые в рамках одной идеологии единством абстрактных принципов. Энтони Куинтон выделяет три таких базовых принципа, присущих политической идеологии консерватизма в целом: традиционализм, органицизм и скептицизм [см., например: Quinton 1978: 16–23].

Эти принципы основываются на вере консерваторов в моральное и интеллектуальное несовершенство человеческой природы [ibid.: 13] и конкретизируются в следующих базовых концептах:

1. Вера в трансцендентный *порядок*, регулирующий общественные отношения. Возникающие политические проблемы объясняются в религиозном и нравственном контексте.

2. С этой верой ассоциирован консервативный *скептицизм* в отношении возможностей человеческого разума.

3. Отсюда приверженность проверенным временем *традициям* и институтам. Консерватор предпочитает известное новому, какие бы блестящие перспективы оно ни сулило.

4. Пиетет перед *сложностью* и многосторонностью человеческой жизни.

5. Этим обусловлено признание принципа *иерархии* как основы социальной организации.

6. Убеждённость во взаимообусловленности *собственности* и *свободы* [Kirk 2001: 8–9; русск. перевод фрагментов книги см.: Кирк 2003].

В первом приближении можно выделить некоторую совокупность фреймов, ассоциированных с перечисленными концептами. С верой в органический порядок связан метафрейм ответственности (за народ, за страну, за историю, за будущее и т. д.) — единственный фрейм, характерный для подавляющего большинства представителей консерватизма. Со скептицизмом ассоциируется осторожность консерватора в восприятии изменений, «способность радоваться настоящему» [Оукшот 2002: 65]; отсюда представление о том, что консерватизм приходит с возрастом, это мироощущение взрослых и ответственных людей, способных оценить мудрость традиций и жизненного опыта. Сложность и многообразие человеческой жизни связаны с тем, что одним из главных моральных противников консерваторов является утилитаризм: «...Почитая моральный идеал, мы боремся с его главными врагами. ...Такова всякая утилитарная мораль» [Ортега-и-Гассет 1997б: 14], а одним из базовых фреймов — моральное самоограничение [Рормозер, Френкин 1997: 159]. В целом, о склонности к консерватизму свидетельствуют все виды деятельности, предполагающие не результат, а удовольствие от процесса [Оукшот 2002: 74].

Таким образом, фреймы, транслируемые консерватизмом, фактически являются воплощением «здорового смысла» и потому хорошо согласовываются с традиционализмом массового сознания, выражаемом в бытовых фреймах «Лучшее — враг хорошего», «Семь раз отмерь, один раз отрежь» и т. д. Но, как говорилось выше, единого комплекса концептов и фреймов для консерватизма не существует; есть различные комплексы, характерные для отдельных течений данной политической идеологии. Эти различия будут рассмотрены ниже.

***Предыстория консервативной идеологии:
добродетель и универсальное благо***

Предшественниками консерватизма традиционно называют Платона и Аристотеля в Древней Греции и Цицерона в Древнем Риме. Категория «консерватизм» не может быть в полной мере использована для мыслителей античности, так как это явление присуще определенному этапу политического развития. Однако в их политико-философских концепциях могут быть выявлены некоторые базовые концепты и фреймы консервативной идеологии, в частности общими для большинства мыслителей античности выступают концепты блага (частного и общего), добродетели (как ключевой моральной характеристики) и справедливости (как основополагающего элемента древнеримской и древнегреческой политической философии).

Платон в своих рассуждениях базируется на представлении о высшем мире идей, с которым соотносятся все предметы и явления реальности. Человек при этом рассматривается через призму фрейма «куклы-марионетки», он не является самостоятельным существом, а повинует божественной воле. Однако среди нитей, управляющих человеком, главной, золотой нитью выделен разум, который подвигает людей следовать принципам общежития и букве закона. Разум как результат природной предрасположенности и опыта, полученного в процессе воспитания. Будучи не в полной мере самодостаточным, человек и человеческое общество нуждается в «попечении». Этот концепт отражает заботу и переживание за народ, ответственное отношение к подданным.

В центре этической концепции платоновского ученика Аристотеля находится концепт счастья, как состояния тождественного самому себе, т. е. момент достижения всех стремлений и желаний. При этом добродетель (мораль) выступает как посредник, совершая поступок (действие, связанное с моральным выбором) человек проявляет себя как правосудный или несправосудный. Важнейшей характеристикой морального человека выступает рассудительность. «Добродетельный человек есть человек, который следует указаниям разума, действует разумно; он не позволяет аффектам захватить власть над собой» [Гусейнов 2004]. Однако разум не всегда способен преодолеть неопределенность ситуации индивидуального морального выбора. Поэтому необходимо, чтобы разум человека был изначально нацелен на добродетель.

В Древнем Риме идеи близкие к консервативным можно обнаружить у Марка Тулия Цицерона. Он определяет право и концепт общего интереса как интегрирующие факторы общества, а государство — его достоянием. Высшее благо — лейтмотив философии Цицерона, как нравственно-прекрасное стоит выше полезного. Эта дефиниция легла в основу фреймовой структуры идеального гражданина, моральный смысл жизни которого заключается в исполнении предписанных обязанностей. При этом обязанности понимаются конкретно, «не человека вообще, но обязанности римского гражданина, достойного члена римской общины» [Утченко 1993].

Одним из первых, кто открыто декларировал положения консерватизма, был английский богослов XVI века Ричард Хукер в своем трактате «Законы церковной политики». Признавая Бога высшей трансцендентной сущностью, богослов объявляет его общим источником и разума, и святого Писания, что в свою очередь исключает противоречия между ними. При этом разум не может познать высшее знание, а способен только к интерпретациям и обыденным суждениям. Единственным источником спасительного знания выступает Писание.

Традиция выступает связующим звеном между писанием и реальностью, отличающейся от догмы. «Слова, — пишет Р. Хукер, — должны пониматься в соответствии с теми событиями, о которых они были сказаны» [Hooker 2013]. При этом традиция и опыт являются санкцией на существование сложившегося порядка, даже если он не был затронут в Святом Писании [Корнеев 2011]. Опыт оправдывает установленные порядки и является преградой в

трансформации социальных институтов и в первую очередь институциональной организации церкви.

Представитель английской консервативной традиции Генри Болингброк помимо философских изысканий занимался и практической политикой. Болингброк понимает под разумом дарованную Богом способность различать правое и неправое, истинное и ложное. Мудрый же человек стремится свободно пользоваться своим разумом в поисках истинного знания. Однако большинство людей отошли от этого и уповают на божественные откровения и писание, отказывая разуму в его божественной природе.

Базисом этического учения Болингброка выступает концепт «универсальная благожелательность», который проявляет себя в моральном фрейме истинного себялюбия. Утверждая, что общее благо есть наивысшее благо для индивида, английский философ говорит о подмене высоких коллективных интересов интересами и потребностями персональными, которые могут состоять в противоречии. Каждый человек должен ставить перед собой такие нравственные цели, которые соизмеримы с имеющимися средствами для их достижения и соответствуют положению, занимаемому человеком в обществе и духовном мире [Болингброк 1978: 218]. Благодаря этому человек сможет уподобиться явлениям природы, когда цель определяет поведение в течение всей жизни, а реализация цели становится логичным и естественным завершением.

Противопоставляя свои идеи теории макиавеллизма Болингброк высказывается о необходимости для субъекта, обладающего властью, истинной, а не показной, добродетели. Защита свободы выступает одной из главных задач государя, так как она соответствует его пользе и пользе народа. Болингброк добавляет, что защита свободы является не только утилитарным средством поддержания власти, но и этическим долгом государя, предписанным с одной стороны — Богом, с другой — народом [там же: 212]. Английский политический философ выводит следующую максиму: «Хорошее правление — залог законности и свободы, а законность и свобода — залог сохранения хорошего правления» [там же: 215].

Классический консерватизм XVIII-XIX вв.: благочестие, порядок, религия

Возникновение консерватизма как политической идеологии и политического учения традиционно связывают с именами английского философа и политического деятеля Эдмунда Берка и французского иезуита Жозефа де Местра. Для формирования концепции консерватизма потребовалось серьезное потрясение в европейской политике, которым стала Великая Французская революция. Реакцией на это событие и стали классические консервативные теории.

Эдмунд Берк признавал, что консерватизм не является полноценной идеологией, так как не включает в себя проект идеального будущего общественного устройства, однако его комплекс идей был направлен на сохранение общества под руководством высокой идеи благочестия, «в его глазах, полных благоговения, вся мирская реальность была выражением нравственного порядка» [Кирк 2003: 112]. Идеи консерватора базируются на ответственности перед Богом, обществом и традициями.

В философии Эдмунда Берка можно выделить несколько ключевых принципов:

1. Преемственность — политический строй не формируется единовременно, а является продуктом долговременной истории и опыта, поэтому каждое поколение не обладает полноценно политической организацией, а приобщено к нему только временно.

2. Скептицизм — знание о политической организации, ее создании и возможностях реформирования не могут быть восприняты одним человеком или единовременно, они являются результатом накопления и осознания опыта и не могут быть восприняты в полном объеме.

3. Органицизм — политическая мудрость заключена в осознании и усвоении традиций, выступающих второй природой человека и общества [Макаренко 2000: 50].

Этика и в первую очередь религиозная аргументация являются центральным вопросом политических размышлений Берка. Базисом его концепции выступает христианский догмат о том, что человек и государство суть божественные творения. Поэтому человек существует в этом мире и социуме не для того, чтобы повиноваться своим страстям и прихотям, а для того, чтобы осуществлять заложенную изначально жизненную программу. Человеческая реальность есть ни что иное, как продолжение божественного порядка.

Берк отмечает завышенные оценки разума в его время. Если залогом человеческого благополучия выступает божья милость, то сведение политики и этики к одному только разуму можно считать верхом самонадеянности [Кирк 2003: 113]. Миром правит благой Господь, поэтому прежде чем предпринимать какие-то действия следует попытаться обнаружить уже имеющиеся очертания заложенного богом порядка и в соответствии с этой естественной справедливостью совершать политическое действие. Поэтому любые изменения должны проводиться крайне осторожно, и по результатам нравственного контракта, в котором субъект изменений убеждается, что он стал проводником божьей воли, а не рабом своего разума. Опасения Берка связаны с тем, что «дух новшеств присущ характерам эгоистическим, с ограниченными взглядами» [Бёрк 1993]. Любые изменения в политической жизни общества и государства могут быть только органическими, а не революционными.

Оценивая церковный порядок как человеческое установление, Берк признает божий закон более широким, чем то, что декларируется в религиозных нормах. Истинная религия должна быть сопряжена с государством, так как она является основой национального духа и всех земных законов. Находя источником законодательство божественную истину, Берк отрицает право любых народов и персон на кардинальные перемены в законах. Однако каким образом происходит регулирование повседневной жизни людей? Опрометчиво ожидать, что Бог будет наблюдать и направлять за каждым. Ответ на этот вопрос Берк видит в традиции, в многолетнем опыте взаимосуществования людей, подкрепленном человеческой разумностью.

Анализируя революционные процессы во Франции, Берк критикует идеи неограниченной свободы, равенства и надругательство над сложившимися устоями политической и социальной жизни великой европейской державы. В частности, философ обращает внимание на то, что свобода не принадлежит каждому человеку полноценно, люди только причастны к свободе. «Чтобы сохранить свободу, — пишет Берк, — они должны полностью отдать ее на общее хранение» [там же]. При этом противопоставляя свободу, существующую в Англии и складывающуюся во Франции, отмечается, что свобода в Британии — благородна, освящена историей и традицией, в то время как французская — искусственна и навязана большинством. А «свобода, когда она становится принадлежностью массы, обретает власть» [там же].

Равенство признается Берком исключительно как религиозная и этическая категория. Оно существует только как равенство перед богом или на страшном суде, иные формы в реальном мире губительны и нечестивы. Попытки навязать всеобщее равенство во Франции отрицаются, так как «те, кто покушаются на ранги, никогда не обретают равенства. Во всех обществах, состоящих из разных категорий граждан, одна должна доминировать» [там же].

Итак, в трудах «отца консерватизма» Э. Бёрка сформирована первая концепт-фреймовая модель консерватизма, состоящая из следующих элементов. Базовыми концептами этой модели являются 1. *благочестие* — индивидуальная и коллективная ответственность перед богом, народом и традициями; 2. *естественный порядок* и сопряженная с ним *естественная справедливость*; 3. *благородная свобода*, как естественное право, источником которого является социальный опыт и традиция. Модель консерватизма, представленную Э. Бёрком и его после-

дователями, мы можем условно назвать реакционной. Его подход не призывает к радикальному возврату к традиционному укладу, но и противится быстрому и необдуманному прогрессу.

Вторая модель консерватизма, условно обозначаемая как «традиционалистская», восходит к трудам Жозефа де Местра и Луи де Бональда. Жозеф де Местр сочувственно размышляет о том, что Франция была центром европейского христианства, однако в последствии распространение идей Просвещения и свободомыслия лишило его родину этого статуса. Великая Французская революция стала наказанием за инакомыслие и уход от религиозности. Человек возомнил себя правителем мира и отошел от божественных законов, в то время как он «может изменить все в области своей деятельности, но он не создает ничего: таков его закон как в материальном, так и в моральном смысле» [Де Местр 1997: 81].

Де Местр нивелирует участие разума в создании законов. Истинные законодатели «действуют, опираясь более на инстинкт и на побуждение, чем на рассудок, [...] что у них нет иного орудия действия, как только некая духовная сила, которая смиряет воли подобно ветру, гнущему траву» [там же: 86]. Таким образом, французский мыслитель противопоставляет большинству философов эпохи Просвещения, отмечавших значение ученых при создании законов государства.

Де Местр обращается к идее о негативной природе человека, исходя из которой полноценная свобода может еще более усугубить греховность людей. В интересах исправления сущности человек нуждается в подчинении, поэтому конституции призваны ограничить свободу, дать ее в той мере, которая соответствует потребности народа. Равенство в этих условиях противоречит и природе человека, и принципам общественной жизни. Война выступает для французского мыслителя естественным и доминирующим в человеческой истории явлением. «Когда человеческая душа утратила свою энергию из-за изнеженности, неверия и гангренозных пороков, сопутствующих излишествам цивилизации, эта душа способна быть вновь закалена только кровью» [там же: 49]. При этом признается полезность войн в качестве мотивации общества к развитию. Природой войн и насилия в целом выступает неискоренимая природная испорченность человека. Войны богоугодны и естественны.

Фактически Ж. де Местр представляет крайне реакционную модель консерватизма, предлагая вернуться к средневековым порядкам. Монархия, слияние светской и церковной властей, повышение роли клира и религии в целом, концентрация влияния в руках Папы Римского — некоторые из радикальных идей, высказываемых французским иезуитом. Однако Ж. де Местр сочетает в себе два часто конфликтующих течения — догматический консерватизм и более мягкий консервативный реализм, как форму «срочной» реакции консервативного мышления на происходящие события. Не следует сводить это к аморальному двуличию, подобная политика естественная для истинного консерватора, который существует в определенных условиях и вынужден реагировать на них, при этом не отклоняясь от общей цели критики рационализации политической жизни.

Австрийский министр первой половины XIX века Клеменс Меттерних отмечает упадок базовых элементов, на которых основывался общественный порядок: религии, общественной нравственности, законов, права и обязанностей. Обращаясь к вопросу о причинах падения нравов, князь приходит к пониманию природы человека как неизменной, в той же степени, как и потребности общества. Единственные изменения зависят, по мнению Меттерниха, от климатических и географических условий, влияющих не только на политическое устройство, но и на религию.

Активизация интеллектуальной деятельности людей связана, как утверждает Меттерних, с изобретением книгопечатания, созданием пороха и открытием Нового Света. Однако развитие человеческого ума происходило слишком быстро в сравнении с развитием «рассудка — единственного противовеса страстей и заблуждений, — и потому революция [...] вспыхнула, наконец, в стране самой просвещенной, более всех расслабленной роскошной жизнью...» [Меттерних 1873: 785]. Причиной тому является «самонадеянность» — результат

быстрого развития умственных способностей и наук. Для самонадеянного человека религия, нравственность, политика и законы превратились в общую собственность, которую каждый может поставить под сомнение. Вера стала не более чем внутренним убеждением индивида. Современный Меттерниху человек не нападает только на нравственность, так как не сможет считать себя в безопасности в ее отсутствие. Самонадеянность — корень зла и деградации общества, «спутница полужнания, развивающая самолюбие и легко находящая себе удовлетворение в смутах государственных переворотов» [там же: 790]. Эта черта наиболее присуща среднему классу общества, который располагается между государем и народом и претендует на часть власти первого и выражение интересов второго.

В вопросе выделения моральной концепт-фреймовой структуры в работах Меттерниха мы вынуждены идти от обратного. В работе австрийца в значительной степени разработан концепт «самонадеянность», который выступает базисным для критики происходящих в его время политических процессов. Противопоставляя консерватора фреймовой структуре самонадеянного человека, мы можем выделить следующие характеристики меттерниховского консерватора: 1. приверженность религии, не только как личному внутреннему убеждению, но и как универсальным моральным категориям; 2. повиновение законам и содействие их составлению; 3. подчинение власти, сложившейся на основе традиции и времени; 4. признание за наукой только ее экспериментальной части, в остальном разум ограничен в познании окружающего мира и общества.

Таким образом, в истории классического консерватизма сложились две основных концепт-фреймовых модели, восходящие к творчеству Э. Бёрка, с одной стороны, и к философии Ж. де Местра, — с другой. В первой модели ключевыми концептами являются: 1. *благоочестие*, с которым ассоциируется моральный фрейм ответственного отношения к любым политическим действиям, основанный на признании высшими ценностями божественного закона, народа и исторических традиций; 2. *естественный порядок* и сопряженный с ним фрейм естественной справедливости — признания благим и истинным того, что уже сложилось; 3. *благородная свобода* и фрейм ограниченности и неотъемлемости свободы человека и общества, благодаря закреплению в традиции, источником которой является божья воля.

Вторая консервативная модель, берущая свое начало в работах Ж. де Местра, базируется на концепте *деятельного христианства*, который находит свое отражение в фреймах 1) ограниченности свободы религиозными нормами и противопоставлении свободы в лоне церкви и рабства; 2) признания насилия и войн в качестве естественного наказания; 3) отказа обществу в праве на «брожение людских умов»; 4) в признании божественной природы и непогрешимости верховной власти. Этим обусловлена и необходимость активной политической и социальной позиции церкви и лично Папы Римского. Таким образом, под деятельным христианством скрывается комплекс религиозных этических догм, адаптированных для современной де Местру общественной системы. Однако несмотря на внешнюю ортодоксальность данной модели консерватизма присущ религиозный рационализм в качестве принципа противостояния либеральным идеям.

Консерватизм в XX веке:

метафрейм ответственности и политический радикализм

«Для консерваторов начала XX в., — отмечает отечественный исследователь консерватизма А.М. Руткевич, — характерно сведение счётов с прежними архаичными воззрениями» [Руткевич 2006: 5]. Потребность обновления консерватизма была обусловлена изменением социально-политической ситуации на рубеже XIX–XX вв.: быстрая индустриализация повлекла за собой рост социально-экономического неравенства и социальных проблем, вызвав разочарование в постулатах классического консерватизма. Первая мировая война, воспринимавшаяся как крушение всей западной цивилизации XIX в., фундаментом которой были

капиталистическая экономика, либеральные институты, буржуазия как основной класс, впечатляющие успехи в науке, образовании, материальном и нравственном прогрессе [Хобсбаум 2004: 16], а также мировой экономической кризис 30-х гг., стали рубежными событиями в развитии консерватизма XX в. Не меньшее значение имело вторжение масс в политику, «полный захват массами общественной жизни» [Ортега-и-Гассет 1997а: 43], что вызвало негодование аристократически ориентированных консерваторов по поводу безответственности и бездуховности масс, падения нравственности в этом «скопище отдельных индивидов» [Kirk 2001: 24; русск. перевод: Кирк 2003: 111]. В результате осмысления перечисленных проблем и выработки способов их решения произошла радикализация концепт-фреймовой модели консерватизма. Наиболее ярко это проявилось в идеологии «консервативной революции».

«Консервативная революция» — политико-идеологическое течение, возникшее в Веймарской Германии и сочетавшее консервативные идеи с социалистическими в борьбе с либерализмом, парламентаризмом и марксизмом. К «ближнему кругу» её представителей обычно относят О. Шпенглера, А. Мёллера ван ден Брука, Э. Юнга, Э. Юнгера, Э. Никиша, Х. Церера, К. Шмидта и Х. Фрайера [см., например: Веуме 2013: 233]. Некоторые исследователи [см., например: Mohler 1989: 307 и сл.; русск. перевод фрагментов книги см.: Молер 2010], помимо названных, причисляют к этому движению М. Шелера, В. Зомбарта, Э. Форстхоффа, Т. Манна и др. Однако, столь расширительное толкование данного феномена только размывает его границы и затрудняет идентификацию и без того разнородной и противоречивой консервативной идеологии. Мы ограничимся рассмотрением нескольких ключевых фигур, в работах которых выражена специфика комплексов концепт-фрейм «консервативной революции».

Одной из работ, задавших моральный тон «консервативной революции» стало эссе Освальда Шпенглера «Пруссачество и социализм» (1919 г.). Оно было составлено из заметок ко второму тому нашумевшей работы «Закат Европы» (1918 г.) и направлено против западного либерализма, парламентаризма и марксизма. Ключевое значение в построениях О. Шпенглера имеет концепт «пруссский дух», или «пруссачество» как «определённая совокупность чувства реальности, дисциплины, корпоративного духа и энергии...» [Шпенглер 2002: 49]. Он есть выражение метаисторической «пруссской идеи» и противопоставляется концептам немецкого либерализма, формировавшегося под английским интеллектуальным влиянием, и в результате пришедшего к индивидуализму и отрицанию государства: «Каждый за себя — это по-английски; все за всех — это по-пруски. ... Пруссский инстинкт говорит: власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему служит. Целое суверенно. [...] Пруссскому духу свойственно поглощение единичной воли общей» [там же: 56, 26, 62]. В этой картине рисуются фреймы «пруссского духа»: «звонкая поступь рабочих батальонов, спокойная решимость, дисциплина, готовность умереть за что-то потустороннее» [там же: 18]. Эти фреймы производны от нравственных заповедей монашеских орденов немецкого рыцарства, среди которых: «верность, дисциплина, самоотверженность, самоотречение, самовоспитание» [там же: 52]. Историческим воплощением «пруссского духа» стали прусская армия, прусское государство и прусский рабочий [там же: 19].

Вторым из базовых концептов, непосредственно связанных с первым, можно считать прусский «авторитарный социализм», жёстко ассоциированный с фреймами солидарности и служения, или, в терминах О. Шпенглера, «службы»: «Смысл социализма в том, что над жизнью господствует служебное положение, которое добывается усердием и способностями, а не разница между бедными и богатыми. Такова наша свобода, свобода от хозяйственного произвола частных лиц» [там же: 156]. Социализм, по О. Шпенглеру, есть выражение «пруссского духа», он есть «народный инстинкт», «воля к власти, борьба за счастье не отдельных лиц, а целого» [там же: 18, 68]. Поэтому истинным носителем социалистической идеи является исключительно немецкий народ, «другие народы не могут быть социалистами» [там же: 9].

Третий концепт в этой системе — идея революции. Великой трагедией Ноябрьской революции 1918 г. стало отделение — под влиянием классовой теории марксизма — немецкого рабочего от немецкого народа: «...Мы видели рабочий люд, отщеплённый в своём сознании от народа, благодаря нескольким вколотым в его мозги положениям и понятиям...» [там же: 18]. Ложные исходные послышки о классе, который может победить в революции, привели к превращению её в фарс, в карикатуру на Английскую революцию XVII в. и Великую французскую революцию 1789 г. Это было «бессмысленнейшее действие в немецкой истории» [там же: 17]. Результатом этой революции стала победа «внутренней Англии», т. е. «диктатуры денег», капиталистически-парламентарного либерализма [там же: 104]. Истинно же великие революции творятся «железом и кровью», потому что «увлечь всех вперёд может только кровь, только идея, ставшая телом и духом» [там же: 21, 19]. Поэтому истинная революция в Германии произошла не в 1918 г., но в 1914 г. Это была «революция всего народа, единый вскрик, единое прикосновение железной руки, единый гнев, единая цель» [там же: 21].

На основе описанных концептов в эссе «Пруссачество и социализм» противопоставляются две морали, — «наша» (мораль «прусского духа») и «их» (торгашески-утилитарная мораль «духа англичан»): «Разница между прусской и английской моралью — всё та же разница между рыцарями религиозного ордена и викингами» [там же: 69]. В моральной философии англичане — утилитаристы; истинная цель их устремлений, прикрываемая этико-богословской риторикой, — богатство; морально приемлемые цели — успех в борьбе за существование: «В результате такой морали англичане, изолированные на своём острове, достигли такой сплочённости во внутренних и внешних делах, как ни один современный народ Западной Европы: создалось влиятельное общество..., связанное сильным чувством общности, совершенно одинаковым образом мыслей, чувствованиями и поведением» [там же: 58]. Для прусской жизни, напротив, характерен «карьеризм», — борьба из-за служебного положения, из-за чина; однако моральное содержание этой борьбы совершенно иное: «стремление взять на себя более высокую ответственность в организме целого, чувствуя себя достойным её» [там же: 70].

Другая противоположность «пруссачеству» — марксизм. Экономическая теория К. Маркса, утверждает О. Шпенглер, производна от этического чувства: «...Основные понятия Маркса ощущаются как моральные противоречия. Термины „социализм“ и „капитализм“ обозначают добро и зло в этой безрелигиозной религии...» [там же: 117]. Однако эта мораль, по О. Шпенглеру, — не прусского, но английского происхождения. Поэтому она совершенно не согласовывается с прусскими фреймами служения, ответственности и труда. Труд у К. Маркса лишён нравственной глубины, он наполнен английским содержанием как средство достижения богатства, в отличие от прусского понимания труда как «службы во имя общности, для „всех“, а не для себя, как обязанности, которая облагораживает...» [там же: 118]. В результате мораль у К. Маркса — это «деловая мораль» англичан, а сам марксизм есть «капитализм рабочего класса» [там же: 120], имеющий мало общего с «пруссским духом».

Это напряжение между «торгашески-индивидуалистической моралью» английских индустриалов и «пруссским духом» ответственности за целое, между «буржуазным социализмом» К. Маркса с его «английской моралью», и «пруссским социализмом», станет нервом «консервативной революции», несмотря на разнородность взглядов её представителей. А концептуальная структура рассуждений О. Шпенглера, с некоторыми вариациями, будет воспроизводиться и другими теоретиками этого движения.

Так, концепты революции, народа и органического целого (государства) получили детальное развитие в знаковом для «консервативной революции» манифесте Ханса Фрайера «Революция справа» (1931 г.). По мысли Х. Фрайера, буржуазные и пролетарские революции XIX века исчерпали себя в идее прогресса. Но они привели к освобождению пространства, в котором формируется новый субъект — народ, который «из смутной идеи превращается в историческую реальность» [Фрайер 2008: 57]. Народ, согласно Х. Фрайеру, представляет собой

историческую целостность, не сводимую к классовой структуре, это абсолютно новое образование, со своей моралью, волей и правом. Осуществлением свободы мыслится государство, поэтому задачей революции справа является эмансипация государства. Похожие идеи, но с националистической окраской, развивал Артур Мёллер ван ден Брук в работе «Третий рейх» (1922 г.). Он предложил концепцию «Третьего рейха», в котором консерватизм сочетается с национализмом на базе социализма: «Не может быть справедливости для человека, если нет справедливости для нации. Люди могут существовать, только если жива их нация» [Мёллер 2009: 363]. Социально-экономическим фундаментом немецкого социализма должна стать «корпоративная идея о государстве и экономике», а воплотить её в жизнь должен «консервативно настроенный революционер» [там же: 169].

Особое место в движении «консервативной революции» занимают работы Эрнста Юнгера, в частности, эссе «Рабочий. Господство и гештальт» (1932 г.) и «Тотальная мобилизация» (1930 г.), в которых обосновано метафизическое значение «рабочего» и его роли в Новом мире. Важнейшим событием, определившим облик эпохи, согласно Э. Юнгеру, стала Первая мировая война, продемонстрировавшая превращение жизни в энергию масс и техники, «поэтому каждая отдельная жизнь всё однозначнее становится жизнью рабочего и за войнами рыцарей, королей и бюргеров следуют войны *рабочих*...» [Юнгер 2000: 453]. Эти войны характеризуются особой формой мобилизации ресурсов — тотальной. «Тотальная мобилизация» призвана максимизировать использование потенциальной энергии «тотальных государств» — участников войны и в этом «всего очевиднее угадывается наступление эпохи работы» [там же: 450]. Ключевую роль в новую эпоху играет «рабочий», — метафизическая величина, несводимая к экономическому или социологическому измерению. Рабочий может действовать в стихийном пространстве, в то время как бюргер ощущает недостаток безопасности; власть является репрезентацией этого гештальта, в котором стирается различие между господством и служением, а порядок соотносится не с обществом а с государством. Соответственно, «образцом всякой организации является организация войска, а не общественный договор» [там же: 64].

Таким образом, для данного направления консервативной мысли характерны следующие концепты: органическое целое («народ-нация», «рабочий» и т. д.); националистически ориентированный социализм, основанием которого является не обобществление средств производства, но государственная защита человека труда от капиталистических отношений; концепт революции как преодоление «идей 1789-го года» и «внутренней Англии»; у многих авторов (О. Шпенглер, Э. Юнгер, Э. Никиш и др.) можно специально выделить концепт «труд» как характерную черту немецкого рабочего, противопоставляемую буржуазной наживе и спекуляции. То, что говорилось о концептах, можно отнести и к фреймам, характерным для данной модели консерватизма. Наиболее часто встречаются такие характеристики представителей «мы», как «выполняющие долг», и «усердные» в этом, «придерживающиеся фактов, причём не только экономических, но политических и даже моральных», «берущие на себя ответственность», «терпеливые», «обладающие сильной волей и спокойной решительностью» и т. д.; для «нас» характерны верность, самодисциплина, самоотверженность и самоотречение [Мёллер 2009: 125, 126, 302, 344; Шпенглер 2002: 18, 56, 68, 70]. «Они», напротив, характеризуются как безнравственные, не имеющие никаких убеждений, эгоистичные, несущие «разложение» и «моральное заболевание среди политических народов», склонные к наживе в ущерб интересам целого и к обману, «непричастные к истории своего народа и не разделяющие его традиций» и т. д. [Мёллер 2009: 172-176, 186; Шпенглер 2002: 18, 56-58, 68, 70]. Такова третья «концепт-фреймовая» модель консерватизма.

«Новые правые» и неоконсерватизм. В 70-х гг. XX в. в ряде европейских стран и США возникает интеллектуальное течение «новых правых», ставшее реакцией на рост государственного вмешательства в экономику под влиянием идеологии welfare state и практики «Нового курса» Т. Рузвельта, с одной стороны, и на движение «новых левых» и «контркультуры»

60-70-х гг., — с другой. В экономических вопросах «новые правые» исходят из идеи неделимости свободы, развиваемой в трудах Л. Мизеса, Ф. Хайека, М. Фридмана и др., и обновлённой концепции минимального государства, сформулированной Р. Нозиком, А. Рэнд и др. либертарианцами. На этой базе сформировался англо-американский «новый консерватизм», представителями которого считаются Ирвинг Кристалл, Дэниел Белл, Ричард Уивер, Роберт Нисбет, Уолтер Липпман, Лео Штраус, Рассел Кирк и др. Достаточно распространено мнение, что экономические реформы Р. Рэйгана в США и М. Тэтчер в Великобритании были проведены под сильным влиянием неоконсерватизма.

Это течение в концептуальном плане представляет собой своеобразное сочетание идей классического либерализма и консерватизма Э. Бёрка, поэтому нет необходимости специально останавливаться на его анализе. Отметим лишь несколько моментов. Консервативный оттенок рассматриваемой интеллектуальной традиции придаёт характерный для этой политической философии акцент на моральных и культурных проблемах современного общества. Так, по словам И. Кристола, неоконсерватизм отличается от классического консерватизма тем, что он «полон надежд, а не скорби, он смотрит в будущее, а не тоскует по прошлому, и настроен он весело, а не мрачно или подавленно» [Кристалл 2004: 171]. Такой «весёлый» консерватизм характерен только для США, в странах Европы нет ничего похожего. Основной его посылкой является убеждение в том, что «увеличение благосостояния всех слоёв общества сделает собственников и налогоплательщиков менее уязвимыми для эгалитарных иллюзий и демагогических призывов и более разумными в том, что касается основных экономических расчётов» [там же: 172].

Таким образом, спецификой неоконсерватизма являются приоритет рассмотрения экономических проблем и меры вмешательства государства в экономику. И. Кристалл признавал, что критическое осмысление упадка современной культуры, «всё большего погрязания в вульгарности» [там же] сближает неоконсерваторов с традиционными консерваторами и религиозными традиционалистами: «Они сходятся в вопросах качества образования, отношениях церкви и государства, регулировании порнографии и всём остальном, что они считают заслуживающим внимания правительства» [там же]. Так, в книге «Культурные противоречия капитализма» (1978 г.) Дэниел Белл исследовал молодёжные движения 60-х гг. XX в. и подверг критике потребительский гедонизм современной американской культуры, подрывающий такие традиционные моральные ценности либеральной политики, как воздержанность, жертвенность, ответственность, расчётливость [Bell 1978].

То же касается и характерных для данной модели фреймов. Описывая собственные убеждения, И. Кристалл рисует образ типичного консерватора, мало чем отличающегося от Э. Бёрка: «...Я всегда был за смертную казнь. Я никогда не верил, что преступника можно „вылечить“ терапией. Я никогда не сомневался, что молитва в школах — это вполне разумная идея. Я был убеждён, что зубрёжка и запоминание „азов“ есть лучший способ обучения молодёжи. Я полагал, что „сексуальная вседозволенность“ в любых её проявлениях есть абсурдная идея. Я считал идеал „мир без войн“ утопией, а стремление „сделать мир безопасным для демократии“ бесполезным предприятием» [Kristol 1995: 82].

Это перекликается со словами Р. Кирка: «Консерватор двадцатого века озабочен, прежде всего, восстановлением духа и нравов [character] — вечной проблемой внутреннего душевного порядка; реставрацией этического понимания и религиозных мотивов [sanction], на которых основаны ценности любой жизни» [Kirk 2001: 472]. Кроме того, современного консерватора, согласно Р. Кирку, волнуют проблемы лидерства с целью сохранения некоторой меры почтения, дисциплины, порядка и очищения системы образования; он обеспокоен феноменом пролетариата, утратившего статус и надежду в обществе и поэтому предпочитающего истинной семье, связи с прошлым, долгу — массовые развлечения и пороки; консерватор заинтересован в восстановлении истинного сообщества, местного самоуправления и кооперации на основе добровольного участия в реализации общественного порядка, отличающе-

гося сложностью и многообразием и т. д. [ibid.: 472-473]. Как можно заметить, все приписываемые консерватору фреймы основаны на одном моральном метафрейме ответственности.

Другое широкое направление «новых правых» — традиционалистское — получило распространение в европейских странах. К этому направлению, несмотря на существенные различия между ними, обычно относят итальянца Юлиуса Эволу, немцев Арнольда Гелена и Герда-Клауса Кальтенбруннера, французов Доминика Веннера и Алена де Бенуа и др. В сфере культуры и политики «новые правые» критикуют моральную и ценностную деградацию Европы, мультикультурализм, глобализацию и экономикоцентризм, выступая за традиционализм и национально-культурные ценности. Это направление консерватизма XX в. ближе к традиции, заложенной Ж. де Местром.

Заключение

Подводя итог, можно сказать следующее. В консерватизме выделяются три основных концепт-фреймовых модели, истоки которых восходят к Э. Бёрку и Ж. де Местру, а также к трудам теоретиков «консервативной революции» в Германии 20–30-х гг. XX в. Различие между моделями определяется как на уровне ключевых концептов, так и на уровне ассоциированных с ними фреймов. Все три модели объединяет свойственный большинству консерваторов метафрейм ответственности. Однако объекты этой ответственности, равно как и способы её реализации, различаются довольно существенно и зависят от базовых концептов. Так, в модели, восходящей к Э. Бёрку, ключевыми концептами являются благочестие, естественный порядок и благородная свобода, с которыми ассоциируются моральные фреймы ответственного отношения к любым политическим действиям, ограниченности человеческой свободы традицией и обществом и т. д. Данный подход не призывает к радикальному возврату к прошлому, но сопротивляется быстрым и необдуманным изменениям.

Традиционалистская модель Ж. де Местра основана на концепте деятельного христианства и потому ограничивает свободу религиозными нормами, отказывает обществу в праве на «брожение людских умов» и признаёт божественную природу верховной власти. В трудах теоретиков «консервативной революции» ответственность преломляется сквозь призму поражения Германии в Первой мировой войне и Ноябрьской революции 1918 г., поэтому направлена не на сохранение status quo, но на революционное восстановление справедливости по отношению к исторически сложившемуся целому — народу-нации. Кроме этих двух концептов, для данной модели характерно представление о социализме как трудовом служении своему народу. Фреймы, ассоциированные с данными концептами и метафреймом ответственности приобретают соответствующую специфику, по отношению к фреймам двух других моделей: решительность, самодисциплина, самопожертвование и т. д. Несмотря на то, что рассмотренные модели пересекаются и налагаются друг на друга, что обусловлено единством трёх базовых консервативных принципов — традиционализмом, скептицизмом и органицизмом, — тем не менее, на уровне фреймов они несовместимы друг с другом и фиксируют три крайние позиции консервативной мысли.

Бёрк Э. 1993. *Размышления о революции во Франции*. — Москва: Рудомино. — 143 с.

Болингброк Г. 1778. *Письма об изучении и пользе истории*. — Москва: Наука. — 360 с.

Гусейнов А.А. 2004. *Мораль и политика: уроки Аристотеля*. — Доступно: http://www.guseinov.ru/publ/moral_polit.html. — Проверено: 05.10.2013.

Де Местр Ж.М. 1997. *Рассуждения о Франции*. — Москва: РОССПЭН. — 216 с.

Кирк Р. 2003. Берк и политика, основанная на праве давности. — *Политические исследования*. — № 5. — С. 110–117.

- Корнеев Д.В. 2011. Соотношение Писания, разума и традиции в богословии Ричарда Хукера. — *Молодой ученый*. — Т. 2. — № 7. — С. 50–52.
- Кристол И. 2004. Неоконсервативное убеждение. — *Логос*. — № 6 (45). — С. 170–174.
- Макаренко В.П. 2000. *Главные идеологии современности*. — Ростов-на-Дону: Феникс. — 480 с.
- Манхейм К. 1994. Консервативная мысль. — Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. — Москва: Юрист. — С. 572–668.
- Мёллер ван ден Брук А. 2009. *Миф о вечной империи и Третий рейх*. — Москва: Вече. — 368 с.
- Меттерних К.В. фон. 1873. Записки князя Меттерниха о состоянии умов в Европе и об обязанностях правительств. 1848 г. — *Русская старина*. — Т. 8. — № 11. — С. 782–799.
- Молер А. 2010. Консервативная революция в Германии, 1918–1932. — *Неприкосновенный запас*. — № 1 (69).
- Ортега-и-Гассет Х. 1997а. *Избранные труды*. — Москва: Весь Мир. — 704 с.
- Ортега-и-Гассет Х. 1997б. *Размышления о «Дон Кихоте»*. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. университета. — 332 с.
- Оукшот М. 2002. *Рационализм в политике и другие статьи*. — Москва: Идея-Пресс. — 288 с.
- Рормозер Г, Френкин А.А. 1996. *Новый консерватизм: вызов для России*. — Москва: ИФРАН. — 237 с.
- Руткевич А.М. 2006. *Консерваторы XX века*. — Москва: Изд-во РУДН. — 180 с.
- Утченко С.Л. 1993. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина. — Марк Туллий Цицерон. *О старости. О дружбе. Об обязанностях*. Москва: Наука. — С. 159–174.
- Фрайер Х. 2008. *Революция справа*. — Москва: Праксис. — 144 с.
- Хобсбаум Э. 2004. *Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991)*. — Москва: Издательство Независимая Газета. — 632 с.
- Шпенглер О. 2002. *Пруссачество и социализм*. — Москва: Праксис. — 240 с.
- Юнгер Э. 2000. *Рабочий. Господство и геиштальт; Тотальная мобилизация*. — Санкт-Петербург: Наука. — 539 с.
- Bell D. 1978. *Cultural Contradictions of Capitalism*. — New York: Basic Books. — 301 p.
- Beyme K. von. 2013. *Konservatismus: Theorien des Konservatismus und Rechtsextremismus im Zeitalter der Ideologien 1789–1945*. — Wiesbaden: Springer VS. — 277 s.
- Hooker R. 2013. *Of the Lawes of Ecclesiastical Politie (1593–1662) Book IV.11.7*. — Доступно: <http://anglicanhistory.org/hooker/>. — Проверено: 05.10.2013.
- Huntington S.P. 1957. Conservatism as an Ideology. — *The American Political Science Review*. — № 2. — P. 454–473.
- Kirk R. 2001. *The Conservative Mind: From Burke to Eliot*. — Washington: Regnery Publishing, Inc. — 501 p.
- Kristol I. 1995. American Conservatism 1945–1945. — *Public Interest*. — № 121. — P. 80–91.
- Mohler A. 1989. *Die Konservative Revolution in Deutschland. 1918–1932. Ein Handbuch*. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. — 643 s.
- Quinton A.M. 1978. *Politics of Imperfection*. — London, Boston: Faber and Faber. — 105 p.
- Vincent A. 2010. *Modern Political Ideologies*. — Malden: Wiley-Blackwell. — 382 p.